

История медицины

Научная статья

УДК 614.2

doi:10.25742/NRIPH.2022.04.016

Болезнь и оздоровление колонии: малярия в Гонконге в XIX веке

Дмитрий Викторович Михель

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

mikhel-dv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Аннотация. История борьбы с эпидемиями в Гонконге тесно переплетена с аналогичной историей в материковом Китае, однако обладает значительным своеобразием. На протяжении более ста пятидесяти лет противодействие эпидемиям в Гонконге было исключительно делом британской колониальной администрации, тогда как китайские власти были отстранены от участия в оценке масштабов гонконгских эпидемий и выработки противоэпидемических механизмов. Ретроспективный взгляд на историю эпидемий в британском Гонконге позволяет не только более широко осмыслить историю западного колониализма в Азии, но и понять, с какими вызовами столкнулась западная медицина за пределами Запада, а также представить те методы борьбы с эпидемиями, которые использовались колониальными администраторами на исторической территории Китая. Показательным примером этого может служить эпидемия малярии 1843 года, повлекшая за собой большие жертвы среди первых западных обитателей Гонконга, а также приведшая в последующем к принятию неординарных мер по оздоровлению колонии.

Ключевые слова: Гонконг, британская колония, малярия, лихорадка, оздоровление.

Для цитирования: Михель Д. В. Болезнь и оздоровление колонии: малярия в Гонконге в XIX веке // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 4. С. 89—93. doi:10.25742/NRIPH.2022.04.016.

History of medicine

Original article

Disease and the recovery of the colony: malaria in Hong Kong in the nineteenth century

Dmitry V. Mikhel

Russian Presidential Academy of national Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

mikhel-dv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Abstract. The history of epidemic control in Hong Kong is closely intertwined with that of mainland China, but it has significant peculiarities. For more than one hundred and fifty years, countering epidemics in Hong Kong was a matter solely for the British colonial administration, while the Chinese authorities were excluded from participating in assessing the scale of Hong Kong's epidemics and developing anti-epidemic mechanisms. A retrospective look at the history of epidemics in British Hong Kong allows not only a broader understanding of the history of Western colonialism in Asia, but also an understanding of the challenges that Western medicine faced outside the West, as well as an introduction to the epidemic control methods used by colonial administrators in the historical territory of China. An illustrative example of this is the malaria epidemic of 1843, which caused great casualties among the early Western inhabitants of Hong Kong and led to the subsequent adoption of extraordinary measures for the recovery of the colony.

Key words: Hong Kong, British colony, malaria, fever, recovery.

For citation: Mikhel D. Disease and the recovery of the colony: malaria in Hong Kong in the nineteenth century. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2022;(4):89–93. (In Russ.). doi:10.25742/NRIPH.2022.04.016.

В последнее время КНР демонстрирует все более впечатляющие успехи в борьбе эпидемиями опасных болезней, а современная китайская система общественного здравоохранения признана одной из лучших в мире. Напротив, на протяжении значительной части XIX и XX вв. она пребывала в плачевном состоянии. Данное обстоятельство в значитель-

ной мере было обусловлено длительной политической нестабильностью в Китае, сложившейся после его поражения в Первой опиумной войне, развязанной западными державами. Летом 1997 г. под управлением китайского правительства перешел Гонконг, который с 1842 г. существовал в статусе британской колонии и был наиболее крупным западным анкла-

вом в Восточной Азии. История борьбы с эпидемиями в Гонконге тесно переплетена с аналогичной историей в материковом Китае, однако обладает значительным своеобразием. На протяжении более ста пятидесяти лет противодействие эпидемиям в Гонконге было исключительно делом британской колониальной администрации, тогда как китайские власти были отстранены от участия в оценке масштабов гонконгских эпидемий и выработки противоэпидемических механизмов. Ретроспективный взгляд на историю эпидемий в британском Гонконге позволяет не только более широко осмыслить историю западного колониализма в Азии, но и понять, с какими вызовами столкнулась западная медицина за пределами Запада, а также представить те методы борьбы с эпидемиями, которые использовались колониальными администраторами на исторической территории Китая. Показательным примером этого может служить эпидемия малярии 1843 г., повлекшая за собой большие жертвы среди первых западных обитателей Гонконга, а также приведшая в последующем к принятию неординарных мер по оздоровлению этой колониальной территории.

Первая встреча британцев с малярией, или перемежающейся лихорадкой, произошла летом 1843 г., когда на Гонконге начало возводиться первое колониальное поселение — город Виктория, а также казармы для солдат на северо-западной оконечности острова. Эпидемия вспыхнула после окончания прохладного сезона, почти сразу же, как только начались дожди. Не располагая современными научными знаниями о происхождении малярии, европейские наблюдатели связывали саму возможность распространения этой болезни, прежде всего, с особенностями местного климата.

Один из первых посетителей острова, юрист, дипломат и писатель Генри Сирр, дал характерное для своего времени описание местного климата и его пагубного влияния на здоровье европейцев. «Растительность здесь скудная, скалы совершенно голые, и все вокруг, кажется, производит впечатление того, что сама Смерть демонически царствует в Гонконге. Этот остров совершенно лишен ресурсов, а его климат вреден для здоровья... Гонконг — самое вредное для здоровья место, а непостоянство сезонов и температур чрезвычайно губительно и проверяет на прочность самые крепкие конституции. Непросто передать представление о сезоне дождей, попросту говоря о потоках дождей: небесные врата разверзаются и изливают потоки воды, угрожая земле новым потоком» [10, р. 5—6].

Военный врач, инспектор морских госпиталей Джон Уилсон в своих сообщениях из Гонконга летом 1843 г. также говорил о вредности его климата для здоровья. Описывая геологические, климатические и экологические особенности Гонконга, он находил в них причины для различных форм лихорадок, как перемежающейся, так и возвратной. Он писал: «Утверждалось, и по-видимому не без оснований, что причина лихорадки в Гонконге состоит в чем-то связанном с или вырастающем из разруше-

ния его гранитного основания... Утверждалось также, что причиной эндемии выступает некое испарение от недавно потревоженной почвы... Место, в котором главным образом происходят эндемии, как и способ их протекания, позволяет нам заключить, что их происхождение изначально вызвано миазмами» [11, р. 150—151].

Свидетельства западных наблюдателей, посещавших Гонконг в первые годы его колонизации, равно как и более поздние наблюдения, неизменно затрагивали тему его тяжелого климата и местных болезней, изматывающих европейцев. Болезни в Гонконге убивали не только простых британских солдат и моряков, но и детей представителей высшего офицерского корпуса. Когда в 1860 г. лейтенант Джордж Олгуд впервые вступил на берег острова, он первым делом отправился посетить местную достопримечательность — могилу Кидди, сынишки генерала Джона Эйри и его жены [1, р. 18].

Тяжелые предчувствия наиболее пронизательных европейцев, посещавших Гонконг, стали сбываться с началом сезона дождей в 1843 г. Первым местом, где разразилась эпидемия, стали казармы 55-го пехотного полка в Вест-Пойнте. Когда доктор Уилсон сошел на берег острова с борта плавучего госпиталя «Минден», он столкнулся с многочисленными расстройствами у солдат местного гарнизона. В своем дневнике он отметил: «В Гонконге лихорадка, когда она немного утихает, протекает в нечеткой форме, с повторениями... Существует опасность рецидива; а после того, как болезнь явно стихла, и рецидивы больше не возобновляются, человек еще долгое время остается вялым и истощенным, с желтушным лицом, с бледными губами... Это происходит с сильными мускулистыми мужчинами, которые еще несколько часов назад были совершенно здоровы... Посмертные вскрытия, которые проводились во всех фатальных случаях, почти ничего не дали» [11, р. 134].

Последствия первой вспышки болезни в казармах Вест-Пойнта были удручающими. По подсчетам К. Коула, к началу эпидемии на острове находилось чуть более 1200 британских военнослужащих и еще 550 солдат из числа местных жителей. Многие из них заболели в течение первых недель распространения лихорадки. С 20 мая по 15 июля в казармах 55-го полка 294 человека заболели, а 25 умерло [5, р. 334].

Урон, причиненный вспышкой малярии в казармах, побудил командующего гарнизоном генерал-майора Александра Фрейзера, лорда Сальтона, к решительным действиям: он приказал оставшийся контингент эвакуировать, казармы разрушить, а тела умерших, за неимением возможности захоронить их в земле, утопить в море¹. В свою очередь, губернатор Генри Поттингер принял решение разместить оставшихся солдат и членов их семей во временных жилищах. При этом он сознавал, что веро-

¹ The National Archives, Kew. Colonial Office. Colonial outward correspondence: Sir H. Pottinger. CO 129/10: 475, Woosnam (Pottinger) to Parker, 15 July 1843.

ятной причиной распространения смертельной болезни было то, что казармы располагались в одной из низменных частей острова. Однако перенести их в более элитную часть строящегося города, на пик Виктория, губернатор не захотел², не желая допустить военных на контролируемую им территорию.

Катастрофа в Вест-Пойнте не стала единственной трагедией лета 1843 г. В июле эпидемия распространилась к востоку от Виктории, в долине Вонг Най Чун, которую британцы называли Счастливой долиной. В этой заболоченной местности еще недавно китайцы выращивали рис, но после появления здесь европейских колонистов были предприняты первые попытки осушить территорию. Ее значительная часть была отдана под торговые склады, вокруг которых быстро вырос целый городок. Довольно скоро Счастливая долина, или Ист-Пойнт, стала весьма многолюдным поселением на Гонконге. Но благополучие европейцев в Ист-Пойнте было недолгим. Уже в июле здесь начали умирать первые колонисты. Доктор Уилсон отмечал: «Бухта Гонконга и прилегающие берега продолжали оставаться нездоровыми. Росла заболеваемость, и не было видно улучшений. На большинстве кораблей, стоящих на якоре, было много заболевших, но на берегу больных было еще больше» [11, p. 141—142].

Генри Сирр также откликнулся на трагические события в Счастливой долине: «Увы! болезни и смерть таятся среди этого живописного пейзажа, так как испарения, исходящие от воды, вызывают лихорадку и... слишком часто заканчиваются смертельным исходом, и некоторые люди, привлеченные красотой этого пейзажа, построили себе, казалось бы, желанные жилища, но обитатели каждого из них заболели лихорадкой и умерли. Теперь все их красивые жилища заброшены и пришли в упадок; двери... попадали с петель, в то время как густые тропические водоросли проросли в том месте, где раньше были цветники; ... ощущение запустения и смерти... непреодолимо. Мысль возвращается к обитателям, прибывшим в этот далекий край полными здоровья и надежды. Где они сейчас? — Обитатели холодной могилы, где ничей родственник прах не смешивается с их собственным, их земные останки пожираются, прежде чем разложиться, отвратительным сухопутным крабом» [10, p. 5].

Малярия бушевала на острове, по крайней мере, до октября 1843 г., прекратившись только с наступлением сухого сезона. Для того чтобы проанализировать ее причины и выработать соответствующие меры противодействия в будущем, губернатор Поттингер создал Комитет общественного здоровья и чистоты, включив в него местных хирургов и представителей администрации. После нескольких месяцев работы, 20 марта 1844 г., Комитет подготовил «Указ о поддержании надлежащего порядка и чистоты в пределах колонии Гонконг», который включал в себя целый ряд положений, отражающий

представления этой эпохи об общественной гигиене. В частности, в Указе сообщалось о введении штрафов для лиц уличенных в «разбрасывании падали, грязи, земли, соломы, навоза, а также всякой грязи, мусора и дурно пахнущих вещей», ... «в сбрасывании мусора в дренажные канавы и водостоки..., в накоплении грязи в непосредственной близости возле дома... в занимаемых им помещениях..., в оставлении строительных лесов, вагонеток, кирпича, извести, бочек, тюков, ящиков с товарами, или любых других предметов, мешающих другим людям и подвергающих их опасности», ... «в загромождении общественных проходов и проездов», ... «в сбрасывании балласта, мусора или каких-либо вещей с любого судна в гавани Виктории», ... «в оставлении затонувшего судна, принадлежащего ему, в указанной гавани», ... «в том, что он яростно управляет повозкой или экипажем, создавая угрозу жизни других людей», ... «в том, что он держит собаку, раздражающую лаем других пассажиров», ... «в том, что он громко играет в рожок, бьет в гонг или барабан, использует фейерверк или стреляет из ружья», ... «в том, что он предлагает для продажи на рынке или в другом месте спиртные напитки, мясо, рыбу, овощи или другие продукты питания в испорченном, вредном, фальсифицированном или непригодном состоянии» [2, p. 14—15].

Согласно воззрениям авторов Указа, лихорадка на острове распространялась вследствие грязи, зловония и опасных испарений — миазмов, исходящих от заболоченных участков земли и скоплений мусора. Власти колонии отчетливо сознавали необходимость обеспечения элементарных санитарных мер, и поэтому вслед за мартовским указом 1844 года в декабре 1845 года был принят еще один указ — более пространный по содержанию и с целым рядом уточнений [3]. Впрочем, никто из лиц, облеченных властью, как и никто из медиков на острове, в своих санитарных рекомендациях населению не обратил внимание на необходимость приведения в порядок всей территории острова. По всему Гонконгу там велось неупорядоченное строительство, и в местах выемки грунта образовывались многочисленные ямы, в которых во время влажного сезона скапливалась дождевая вода. Эти многочисленные лужи служили настоящими рассадниками для малярийных комаров, являвшихся главными виновниками распространения опасной инфекции на острове. Впрочем, для чтобы установить связь между этим фактом и распространением так называемой «гонконгской лихорадки», нужен был особый научный взгляд, который стал возможен спустя лишь полвека после указанных событий.

Что касается первых итогов эпидемии, то они были удручающими. Казначей колониальной администрации Роберт Монтгомери Мартин в своем отчете от 24 июля 1844 г. сообщал, что каждый из 1526 военнослужащих гонконгского гарнизона за прошедший год по пять раз и более побывал в госпитале из-за лихорадки, диареи и дизентерии, причем общее число заболевших лихорадкой за год составило 4069 человек. При этом общее число умерших со-

² The National Archives, Kew. Colonial Office. Colonial outward correspondence: Sir H. Pottinger. CO 129/10: 492a-493, Pottinger to Salton, 7 August 1843.

ставило 440 человек, т. е. почти каждый третий солдат [Martin 1846 с. 7]. Британский колониальный историк Э. Эйтель спустя полстолетия предпринял попытку оценить общее число жертв, унесенных эпидемией на острове. По его оценкам, с мая по октябрь 1843 года там скончалось 24% от общего числа военнослужащих и 10% гражданского населения [6, p. 191].

Прибыв в Лондон на следующий год, Роберт Мартин по требованию депутата Парламента лорда Стэнли также представил отчет о целесообразности сохранения новой британской колонии на Гонконге и финансовых вложений в нее. В шести основных тезисах он подчеркнул бесполезность Гонконга для Британской короны: «(1) Он никогда не сможет быть колонией; (2) он не выгоден с коммерческой точки зрения; (3) он не сможет быть крепостью; (4) он не нужен как военная или военно-морская база; (5) в политическом плане он неблагонадежен; (6) в религиозном плане он здесь нельзя добиться желаемых результатов» [8, p. 32].

Несмотря на столь безрадостные перспективы в плане дальнейшего развития колонии на Гонконге Британия не оставила остров без своего покровительства. При всей негостеприимности Гонконга для прибывающих на него колонистов и при всей тяжести его климата, остров был нужен империи, видящей в нем свой форпост для установления контроля над материковым Китаем. Именно через Гонконг британские коммерсанты были намерены вести свои дела с Цинской империей, навязывая ее населению свои товары и, прежде всего, опиум.

Видный британский ботаник Роберт Форчун, посетив Гонконг в августе 1848 г., сразу же пришел к выводу, какие средства должна использовать британская колониальная администрация, чтобы снизить ущерб от смертельно опасных болезней, коренящихся на острове. Рассуждая о смертности на Гонконге, он писал: «Я всегда думал, хотя имелись и другие причины, превращавшие Гонконг в нездоровое место, что все же одной из главных причин этого является отсутствие деревьев и тени, которую они отбрасывают. Во время общения со здешним правительством, которое я имел удовольствие иметь в 1844 г., я отмечал данное обстоятельство и строго рекомендовал им сохранять лес, росший тогда по всему острову, от китайцев, у которых была привычка ежегодно его рубить, и в то же самое время высаживать повсеместно деревья, особенно вдоль дорог и на холмах... Хорошо известно, что здоровая растительность — кустарники и деревья — поглощает из атмосферы углекислый газ и делает его пригодным для дыхания; помимо этого возле деревьев распространяется приятная прохлада, особенно в жарком климате, что весьма приятно» [7, p. 6].

На фоне других колоний Британской империи, расположенных в тропиках, Гонконг был нетипичным явлением. Здесь отсутствовало буйство флоры, характерное для Индии, Африки и других территорий, подчиненных Британской короне. Однако для британских ученых и колониальных администрато-

ров это не было неразрешимой проблемой. Привычка манипулировать природой, сложившаяся у них на протяжении многих десятилетий, подсказывала, что всегда можно действовать одним из двух способов — либо убавлять лишнюю растительность, либо прибавлять ее. На небольшом острове в Южно-Китайском море явно требовалось добавить растительный компонент, исчезнувший из местного ландшафта.

Начиная уже с XVIII в., распространяя свою власть по всему миру, британцы активно занимались акклиматизацией видов и привозили растения из разных стран в специально создаваемые ботанические сады. Эта практика получила еще большее распространение в XIX в., когда им стало отчетливо понятно, что без решения проблемы акклиматизации невозможно закрепиться в тропических регионах и воспользоваться их богатыми ресурсами. Растения умеренного климата завозились в тропики, чтобы воссоздать привычную для колонизаторов среду обитания, а тропические растения, в свою очередь, вывозились в Европу, где подвергались акклиматизации в условиях севера. Для решения проблемы оздоровления Гонконга необходимо было, прежде всего, понять, откуда сюда будут завозиться растения.

В 1871 г. в Гонконг прибыл специальный представитель Лондонского Королевского общества ботаник Чарльз Форд, которому было поручено заняться озеленением острова с целью оздоровления колонии и придания ей более эстетичного вида. План Форда состоял в том, чтобы использовать как местную, южно-китайскую флору, так и растения из других мест. Начатая им работа позволила предать каменистому ландшафту острова более живописный вид. Благодаря поддержке правительства в Гонконг стали завозиться деревья и кустарники со Святой Елены, Маврикия, Цейлона, из Малакки. Особенно интенсивная работа развернулась в 1880-е гг. За этот период на Гонконге ежегодно высаживалось около миллиона деревьев., а к 1900 г. на острове возник целый сосновый лес, занимающий площадь 22 км² или 28% от территории всего острова [4; 9].

Похоже, что не все планы Форда были реализованы. Так, например, ему не удалось убедить правительство в необходимости финансирования научных исследований в области ботаники на Гонконге, равно как и в развитии коммерческого лесоводства. Кроме того, целые зеленые островки леса, созданные под его началом, были истреблены древесными паразитами или вырублены на дрова. Наконец, если сравнивать масштабы озеленения Гонконга при Форде с теми, что были достигнуты в колониальном Гонконге в XX в., то, бесспорно, при Форде они были значительно ниже. Тем не менее именно благодаря программе озеленения, начатой Фордом, общая санитарная ситуация в колонии впервые изменилась к лучшему. В ходе процессов озеленения и облесения на Гонконге были приведены в порядок неухоженные земли, засыпаны ямы, обустроены грунтовые дороги. Появление, по крайней мере, четырех видов эвкалиптов существенно оздоровило атмос-

феру на острове, объективно снизив риск распространения малярии.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Allgood G. China war, 1860; letters and journal. London; New York: Longmans, Green & Co; 1901:190.
2. An ordinance for the preservation of good order and cleanliness within the colony of Hongkong, 20th March 1844. Historical laws of Hong Kong online. Hong Kong: Government printer; 1984:14—16.
3. An ordinance to repeal ordinance no. 5 of 1844, entitled “An ordinance for the preservation of good order and cleanliness within the colony of Hongkong and its dependencies”, and to make other provisions in Lieu thereof., 26th December 1845. Historical laws of Hong Kong online. Hong Kong: Government printer; 1984:153—171.
4. Corlett R. T. Environmental forestry in Hong Kong: 1871—1997. *Forest ecology and management*. 1999;116(1—3):93—105.
5. Cowell C. The Hong Kong fever of 1843: Collective trauma and the reconfiguring of colonial space. *Modern Asian studies*. 2013;47(2):329—364.
6. Eitel E. J. Europe in China: The history of Hongkong from the beginning to the year 1882. London: Luzac & company; 1895:588.
7. Fortune R. A journey to the tea countries of China: Including Sung-Lo and the Bohea Hills; With a short notice of the East India company's tea plantations in the Himalaya mountains. London: John Murray; 1852:460.
8. Martin R. M. Reports, minutes and despatches, on the British position and prospects in China. London: Harrison; 1846:132.
9. Peckham R. Hygienic nature: Afforestation and the greening of colonial Hong Kong. *Modern Asian studies*. 2015;49(4):1177—1209.
10. Sirr H. C. China and the Chinese: Their religion, character, customs, and manufacturers: The evils arising from the opium trade: with a glance at our religious, moral, political and commercial intercourse with the country. London: W. S. Orr & Co.; 1849:447.
11. Wilson J. Medical notes on China. London: John Churchill; 1846:267.

REFERENCES

1. Allgood G. China war, 1860; letters and journal. London; New York: Longmans, Green & Co; 1901:190.
2. An ordinance for the preservation of good order and cleanliness within the colony of Hongkong, 20th March 1844. Historical laws of Hong Kong online. Hong Kong: Government printer; 1984:14—16.
3. An ordinance to repeal ordinance no. 5 of 1844, entitled “An ordinance for the preservation of good order and cleanliness within the colony of Hongkong and its dependencies”, and to make other provisions in Lieu thereof., 26th December 1845. Historical laws of Hong Kong online. Hong Kong: Government printer; 1984:153—171.
4. Corlett R. T. Environmental forestry in Hong Kong: 1871—1997. *Forest ecology and management*. 1999;116(1—3):93—105.
5. Cowell C. The Hong Kong fever of 1843: Collective trauma and the reconfiguring of colonial space. *Modern Asian studies*. 2013;47(2):329—364.
6. Eitel E. J. Europe in China: The history of Hongkong from the beginning to the year 1882. London: Luzac & company; 1895:588.
7. Fortune R. A journey to the tea countries of China: Including Sung-Lo and the Bohea Hills; With a short notice of the East India company's tea plantations in the Himalaya mountains. London: John Murray; 1852:460.
8. Martin R. M. Reports, minutes and despatches, on the British position and prospects in China. London: Harrison; 1846:132.
9. Peckham R. Hygienic nature: Afforestation and the greening of colonial Hong Kong. *Modern Asian studies*. 2015;49(4):1177—1209.
10. Sirr H. C. China and the Chinese: Their religion, character, customs, and manufacturers: The evils arising from the opium trade: with a glance at our religious, moral, political and commercial intercourse with the country. London: W. S. Orr & Co.; 1849:447.
11. Wilson J. Medical notes on China. London: John Churchill; 1846:267.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.